

Глава 1

Марина Чарушина — это святое.

© Даниил Шатохин

— Твою мать, Марина... — выдыхаю резко севшим голосом, слабо догоняя, как с той же секунды тяжелеет сердце и гулким массивом долбится мне в ребра.

Редко вспоминаю, что оно — не просто механический мотор.

Что-то вырабатывает... Какие-то чувства...

У меня, блядь? Смешно. Очень смешно.

— Твою мать... Твою мать... — заряжаю в полной бессознанке, на каких оборотах это происходит.

Мелкая зараза. Спецом ведь эту СМС-ку закинула.

Дерзкая ведьма. Безбашенная провокаторша.

— Шатохин, — обрывает поток моих мыслей Жора. Сверкая белозубой ухмылкой, толкает мне в руку стопку непонятного пойла. — Валерьянка¹ в разгаре, а ты еще одет?

— На все пуговицы, блядь, — поддерживаю его юмор, игнорируя взрыв хаоса за грудиной. Ворот

---

¹ Здесь: Валерьянка (местный сленг) — вечеринка.

белой рубашки, которую я напялил, вдруг ощущается удавкой. — Чарушины же. В их доме не беспредельничаю. Табу, — поясняю весомо.

Но, опрокинув в горло пойло, верхние пуговицы все же высвобождаю.

Веду взглядом по шикарному саду. Учитывая то, что моим родакам на меня давно похрен, с пятилетки тут каждый куст знаю. Сегодня, конечно, все иначе. Немного помпезно смотрится — все в цветах, шарах и прочей мишуре.

Младшей дочери Чарушиных восемнадцать. Той самой, черт ее дери, Марине, образ которой в последнее время чересчур часто стал возникать в моем сознании.

Мелкая кобра — так зовет ее старший брат, один из моих лучших друзей. Собственно, он и его семья значат для меня многим больше, чем те люди, фамилию которых я с показной гордостью таскаю. Ну вот, получается, и Маринка тоже — навсегда в сердце. Прицепом, конечно же. Без всяких странных финтифлюх, которыми обладают все остальные нормальные люди.

Просто она в моем списке. Точка.

Сердце, блядь... Намахивает, гонимое, стоит воскресить ту дичь, что эта ведьма якобы по ошибке мне прислала.

Мариша Чарушина: Все! Сегодня я запускаю новый лист задач. Первая цель: оргазм.

Мариша Чарушина: Соррян. По ошибке тебе отправила. Надеюсь, ты не трепло. Иначе я отомщу, знаешь же?

Мариша Чарушина: Ладно... Ладно... Пожалуйста, никому не рассказывай. Пожалуйста!

Я, блядь, так охренел, что даже не нашелся с тем, как должен ей ответить. Сразу ринулся искать. Зачем? Сука, самому бы понять.

— Марина, — выбиваю ее имя вслух. По привычке, с нажимом. Разливающий очередную порцию пошла Жора вскидывает на меня удивленный взгляд. Моя рожа если и краснеет, то только потому, что я киплю от ярости. Стыд в арсенале моих личных качеств отсутствует напрочь. — Не видел, с кем она ушла? Куда?

Жора прищуривается.

— А тебе что?

Смотрю на него, а мозг закорачивает. Ничего стоящего выдать не способен.

— Тоха! Привет! — вопит какая-то девчонка.

Тряхнув головой, будто просыпаюсь. Поворачиваясь, выкатываю одну из подходящих случаю ухмылку. Рыжая, едва трусы не роняет, счастливая. Все, как всегда. Она и остальная сотня самок ее вида — привычная среда охоты. Впрочем, в последние годы мне даже утруждаться не приходится. Слава идет впереди меня. Самочки сами на мой член запрыгивают.

— Так зачем тебе Маринка? — бубнит Жора недовольно.

— Да так, — бросаю неопределенно. Туплю нещадно. В голове полнейший вакуум. Совсем не туда засасывает. В карантинную зону. — Поздравить хотел.

— Угу, ясно, — еще крепче хмурится Жора. Повезло же именно на него наткнуться, он после разрыва со своей кралей таким душнилой заделался, что порой поперек горла встает один его взгляд. — Маринка танцует, где-то тут... С тем холеным ба-

леруном, своим партнером. Чара говорит, с ним порядок. Можно не кипишевать.

До сегодняшнего дня с Чарой согласен был. Ничего против «зализанного» не имел. У него, верняк, яйца размером с перепелиные, а член — стручок, пригодный только для того, чтобы сливать мочу. Но, блядь... После Маринкиных листов задач, вес этого дятла стремительно возрастает.

Парит меня, что она с ним. И ничего я, сука, с этим поделать не могу.

Закидываю очередную дозу пойла. Слабо ощущая, как алкоголь обжигает гортань и резко согревает грудь, планомерно тяну в легкие кислород. По телу огненным потоком разливается трескучее тепло.

— Пойду, найду их, — выталкиваю несдержанно, почти яростно.

— Слушай, — тормозит меня Жора, выставя шлагбаумом руку. — Скажу прямо, Тох, а то у тебя, походу, взлетела температура и кровь не в том направлении ушла.

— Ну, — реагирую еще агрессивнее.

В последний момент торможу себя. Стискиваю челюсти и тупо жду, пока Жора толкнет свою генеральную мысль.

— Тох, твою мать... — выдыхает душнила реально обеспокоенно. — Можешь трахать кого угодно. Но о девчонках Чарушиных забудь.

— На хрена ты мне это говоришь? — по интонациям вроде как оскорбленно возмущаюсь. — Сам знаю.

— Чара нам как брат. Значит, они почти сестры, — проталкивает Георгиев бесяче-назидательным тоном. — Маринка тоже, твою мать...

— Знаю, — повторяю с тотальным раздражением.

Двинув друга в плечо, решительно тулю в сторону танцевальной площадки. Пространство качает попсовая, чисто девчачья музыка. Помню, что это Маринкина любимая группа. Она частенько орет в ее комнате. Ничего удивительного, что и на ее празднике заряжает.

Долго искать не приходится.

Она же как лампочка. Луч солнца золотого, блядь... Облако невинности. Вся из себя принцесса. Май литл пони, вашу мать. Моя фея Динь-Динь. Сука, я ведь все еще помню, как она все это смотрела. А теперь что?

«Первая цель: оргазм...»

Смотрю на нее и не верю, что могла подобное написать. Похрен кому! В ее голове не должно быть подобного. В моей, относительно нее, тоже. Только поздно, блядь. Маховик запущен. Процесс пошел. Я слишком долго держался.

Марина оборачивается.

Сталкиваемся взглядами — мое тело высоковольтными волнами тока пробивает. Дыхание спирает. Вдохнуть не получается. В груди будто дыра образуется и лишает возможности тянуть кислород.

Она слишком красивая.

Причем не той пустой красотой, которой богаты многие. В ней есть что-то особенное. Правда, что именно, я понять не способен.

Марина медленно моргает — на меня действует как колдовство. Чарует Чаруша, это давно известно. Ведьма же, дочь колдуна. У них, очевидно, это в крови. Как у меня — стремление и умение

трахаться. Да, если ее семья — образец красоты, любви и могучей верности, то моя — адский очаг разврата.

Конечно, Жора прав. Я хочу ее трахнуть. Бесспорно, хочу, но каким бы испорченным мудаком я не был, Марина Чарушина — это святое.

У меня на нее собственный запрет. Чертов запрет.

Гашу вспышку животного бешенства в организме. Ухмыляюсь свободно, будто все путем. Будто не стоит перед глазами ее сообщение. Будто вообще не стоит, блядь. Будто я не пытаюсь представить, как она говорит подобное вслух, и как моими стараниями кончает.

— Потанцуем, кобра? — выдавая это предложение, инстинктивно толкаюсь в ее сторону бедрами. — Есть разговор.

— Нет уж, — сычит Маринка. — Я с Эдиком танцую.

Веду взглядом на застывшего рядом балеруна.

— Эдик, — давлю в меру жестко. Почти на чиле, блядь. Хотя за грудиной резко вскипает. — Свободен.

«Прилизанный» краснеет. Марина негодует.

— Пошел ты... — шипит приглушенно, но явно разъяренно.

— Куда? — интересуюсь лениво.

Охота тупо закинуть ее на плечо и утащить, но я стараюсь помнить, где мы находимся.

— Серьезно, Дань, не порть мне праздник, — высекает Чарушина, в очередной раз давая понять, как я ее кошмарю.

Абзац, конечно. Потому как на моей памяти она единственная, кто от меня не то что не в вос-

торге... Она меня презирает. И не стесняется этого демонстрировать.

— Ничего я тебе не испорчу, — толкаю уже сердито. Стопору себя изо всех сил и все равно выдвигаю ультиматум: — При условии, что ты пойдешь со мной танцевать.

Марину, естественно, подобное бесит. Едва из платья не выпрыгивает, отделяясь, наконец, от приклеившегося к ней упыря.

— Зачем тебе?!

Прожигаем друг друга взглядами с такой интенсивностью, что кажется, все вокруг на хрен спалим.

Чувствую себя будто перед дракой. Мозг на холодных пашет. Зато сердце намахивает усердно. Кровь бурлит по венам. Топит адреналин, а с ним еще чертова туча упоротых гормонов.

«Первая цель: оргазм...»

Не должен этого использовать.

Не должен, но использую:

— Обсудим наш секрет.

Глава 2

Так только он умеет. Только он.

© Марина Чарушина

Едва Шатохин подходит, по моему напряженному телу сумасшедшая дрожь летит. А уж когда он обжигает ладонями голую спину и решительно притягивает к себе, меня и вовсе будто разрядами тока пронизывает.

Эдик где-то теряется. Весь окружающий мир исчезает.

Я глохну, задыхаюсь, раскаляюсь, плаваюсь... Но в реальности этого, конечно же, никогда не выдам.

— Фу-у... — выдыхаю, с трудом улавливая за безумным стуком пульса сдавленный звук своего голоса. — Не прижимайся так близко, фу...

— В смысле «фу»? — ощетиливается Даня.

Смотрю в его взбешенное лицо и смеюсь, разрывая напряжение.

— Кобра, — все, что выдает на это Шатохин.

— Ты забыл отодвинуться, — напоминаю ему, не прекращая улыбаться.

— Я не забыл, — наконец, и его губы растягивает привычная ухмылка. Мое сердце тотчас пропускает удары. Боже, как хорошо, что Шатохин этого никогда не узнает. — Я не собираюсь отодвигаться. С Додиком танцуешь, и со мной потерпишь.

— Его Эдик зовут, а не Додик.

— Похрен, — выталкивает с таким видом, что становится сразу понятно: на весь мир ему положить.

Ничего нового, расстраиваться смысла нет.

— У тебя такие заросли вместо бровей, — оценивая, прицокиваю языком.

Торчат не только его брови. На голове тоже взрыв, словно какая-то блядь совсем недавно таскала его за волосы, пока он... Пока он делал ей приятно.

— А у тебя какие? Там... М-м-м... — толкает Шатохин незамедлительно.

Неудивительно, что переводит разговор на пошлости. Не первый раз. Самый конченый из друзей моего брата. Понимаю это и все равно горю от волнения.

Сексуальность — его основная черта. Дьявольская суперсила. Это невозможно игнорировать даже столь неискушенному человеку, как я. Неудержимая мужская энергетика и особый порочный магнетизм Даниила Шатохина сокрушают, вызывая целую бурю неизведанных никогда прежде чувств.

Я пугаюсь. И жажду повторения.

— Знаешь, что говорят о таких бровях? — продолжаю свою мысль, игнорируя его вопрос, как нечто непонятое. — Что их обладатель крайне ревнив.

Даня щурится. Припекая меня взглядом, жестко тянет носом воздух.

— Херня, — реагирует грубо, но ровно. — Кого мне ревновать? А? Мне на всех плевать.

— Какой же ты все-таки отвратительный!

— Обычный.

— Да нет, Данечка, совсем ты не обычный... — роняю это, и замираем.

Не разрывая зрительного контакта, продолжаем двигаться под музыку. Но даже с моими танцевальными способностями, умудряемся то и дело сбиваться с ритма. Честно говоря, мы его вообще не держим.

— Чаруша, — тянет Шатохин тем самым остро-волнующим меня тоном, заливая при этом еще и зверски жарким взглядом. — Итак, твое общение...

Так только он умеет. Только он.

Молнии шпарят мое тело насквозь. Простреливают даже кончики пальцев на ступнях. Хорошо, что Шатохин держит. Иначе я бы свалилась со своих десятисантиметровых шпилек.

«Боже... Боже, он сказал «сообщение»!» — догоняю с опозданием.

— Не собираюсь это с тобой обсуждать! — выпаливаю задушенно. — Сказала же, ошиблась абонентом! Отвали!

Даня прищуривается и склоняется ближе. А у меня ведь без того легкие одним его запахом забиты. Огнем горит грудь, дожить бы до полуночи.

— Нет, так не пойдет, — заявляет абсолютно уверенно. — Либо ты вываливаешь все, либо я показываю твое сообщение Чаре.

— И что, интересно, мне сделает брат? Ты забыл, что мне восемнадцать?!

Шатохин выгибает бровь и корчит свою порочную физиономию, как самый настоящий паскудик, коим, несомненно, является.

— Ну, как минимум, ему будет интересно. Может, вопросы тебе какие-то позадаст. Не все же мне бдеть.

— Ты скотина! Всегда знала! — выхожу из себя.

Но очередные приливы жара явно не от злости меня топят.

— Угу, — соглашается Даня, облизывая в предвкушении губы. Мои мурашки в связке с бабочками реагируют незамедлительно. Активизируются, вызывая у меня на пике своего бешенства головокружение. — Ну, так что, Лолита? Я жажду подробностей. Что у тебя за план?

«Тот самый момент, когда нужно менять тактику», — щелкает в моем мозгу автоматически.

Потянувшись к Шатохину, касаюсь его уха губами.

— У меня план, который тебя в себя не включает, — напеваю приторным голосом.

Он замирает. Сгребает в кулаки платье на моей спине. Тяжело вздыхает.

— Поверь, Чаруша, не только твой план включает меня... Скоро твое тело меня в себя включит.

Это заявление, конечно, шокирует. Но ответ для Шатохина я всегда быстро нахожу. Только озвучить его не успеваю. Вскрикиваю, когда он неожиданно дергает на себя. Теряюсь, пугаюсь и еще какими-то странными чувствами захлебываюсь, едва ощущая, как в живот мне упирается эрегированный член.

Боже, какой большой... Мамочки... Ох... Ох...

Эдик второй раз меркнет. Даже в моей памяти.

В два раза разница. В два! А может, в три? Жаль, другие ко мне не прижимались. Не могу определить точно. Срочно нужно посмотреть картинки в интернете. Или почитать что-то такое... Обучающее!

— У тебя там гангрена? — выдыхаю рвано и совершенно незапланированно.

— Чего?!

Отталкиваясь, смотрим друг другу в глаза. Воздух между нами трещит, а как это остановить — я не в курсе.

— Впрочем, неудивительно, учитывая то, скольким ты совал, — реабилитируюсь после своих неуместных охов и вздохов. — Натаскал зэпэшек, отекло? Фу...

— Еще раз в мою сторону фукнешь... — шипит Шатохин угрожающе.

— И что ты мне сделаешь?

Второй раз вскрикиваю, когда он вдруг кусает меня за щеку.

— Ты дурак, что ли?! — толкаю, ощущая, как на глазах выступают слезы. — Больно, маньяк!

Но, вместе с тем, заливает тело какими-то вибрирующими и трескучими волнами.

— В том и смысл, кобра, — снова этим своим взглядом прожигает. — Не только же тебе кусаться.

— Я тебя, по крайней мере, фигурально!

— Фигурально я с тобой другие вещи делаю, соррян.

Уровень моего волнения достигает той самой критической отметки, после которой я от Шатохина обычно сбегая, чтобы запереться в своей комнате, отдышаться и тысячу раз перемотать наш мини-скандал.

Так и сейчас намерена поступить.

— Отвали, короче, — толкаю решительнее, почти разъяренно. Все равно давно не танцуем. Стоим посреди площадки и привлекаем ненужные взгляды. — Отвали, сказала! — повторяю громче, когда понимаю, что он не собирается отпустить. — Мне в туалет нужно.

— Пойдем, проведу.

— Еще чего!

Но Даня уже хватает меня за руку и тащит сквозь толпу гостей к дому. На меня отчего-то накатывает паника. Только и она несется вкупе с каким-то нездоровым труднопереносимым восторгом.

Что он там со мной собирается делать? Что?

Страшно, конечно... Но, черт возьми, как же не терпится узнать!

— Пусти, идиот... Придурок, извращенец, козел, долбанутый, маньяк, тупой баран, гнусный мерзавец... — запальчиво тарабаню ему в спину по пути к дому.

Однако... Как жестока, порой, бывает судьба!
Даже в день твоего рождения!

На террасе заднего входа сталкиваемся с братом и его женой. Трус Шатохин тотчас выпускает мою ладонь. Бросает ее, словно земное проклятие. Еще и отшагивает от меня в сторону.

Артем, уставившись на нас, растерянно хмурится. Лиза краснеет и опускает взгляд. Не знаю, что именно ее смущает: то, что мы с Шатохиным поймали их за поцелуем, или конкретно мы. Порой она розовеет, просто глядя на нас с Даней. Уж не знаю, что видит. Я, вроде как, себя не выдаю. А Шатохин... Он со всеми ведет себя одинаково.

— Что случилось? — разрезает затянувшуюся тишину голос брата.

— Ничего! — выталкиваем с Даней в один голос.

Артем замирает, переводя взгляд с меня на друга и обратно. Уровень волнения во мне достигает кипения. Готова взорваться.

— Вы, блин, нормально не можете? — выдыхает Тема.

— В смысле? — опять в унисон получается.

Брат тянется за сигаретами, неторопливо вытаскивает одну для себя, другую подает Шатохину.

— Не скандалить хотя бы в праздник можете? — задает этот вопрос не впервые, сегодня почти лениво.

— Можем! — заверяем мы с Даней.

Он берет у Темы сигарету. Я убегаю.

Продвигаясь по темным коридорам дома, не пытаюсь успокоить дыхание. Натужно циркулирую воздух. Разят мои хриплые учащенные выдохи пространство, пока не добираюсь до ванной.

Там упираюсь ладонями в пьедестал раковины, смотрю на себя в зеркало и шепотом приказываю себе остановиться.

— Хватит... Хватит... Будет больно...

Даниил Шатохин испорченный. Он не способен на настоящие чувства. В силу той извращенной среды с избытком секса, в которой вырос Даня, полностью нормальным человеком он не будет никогда. Я же изучала вопрос с точки зрения психологии. Шатохин, скорее всего, всю свою жизнь будет довольствоваться только сексом. Мне же... Мне подобного недостаточно. Именно поэтому о моей к нему любви рано заявлять.

Зачем тогда я отправила ему ту СМС-ку?

Черт... Черт...

Хлопнув по смесителю, подставляю под струю холодной воды руки.

Грудь все выше вздымается. Грозит вырваться из тугого корсета на волю. Мое дыхание становится настолько свирепым, что походит на какую-то паническую атаку. Не исключено, что так и происходит. У меня паника. Артем с Лизой остаются у нас на выходные. Значит, останется и Даня.

Боже... Что дальше будет?

Глава 3

Ты нарываешься.
© Даниил Шатохин

— Есть одна сучка. Ей где-то тридцатник, — мету языком по привычке, прикидываясь перед самым собой, что мозги не забиты охотой на